

Е.Ю. Дубровская

**ВРЕМЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
ПЕТРОЗАВОДЧАНИНА
ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА НИКИТИНА (1881–1965)¹**

Статья посвящена исследованию темпоральных представлений, отразившихся в воспоминаниях карела И.М. Никитина, родившегося в 1881 г. в Петрозаводске, губернской центре Олонецкого края. Автор рассматривает «исторический» опыт «маленького человека», накопленный в начале XX в., в переломный период революции 1917 г. и в 1920–1930-е годы. Анализируемый автобиографический текст предлагает новые подходы к изучению городской повседневности и «жизни в чрезвычайных обстоятельствах» раннесоветского периода в истории российской Карелии. Память о личном опыте испытала прессинг идеологически заданной версии «общего прошлого» населения края. Основываясь на архивных материалах, автор приходит к заключению, что отдельные факты, которые Никитин на самом деле помнил, тщательно скрывались в автобиографическом тексте.

Ключевые слова: Петрозаводск, Олонецкий край, исторический опыт, автобиографический текст, темпоральные представления, умолчания.

Elena Yu. Dubrovskaya

**TIME IN AUTOBIOGRAPHICAL TEXT
BY THE TOWNSMAN OF PETROZAVODSK
IVAN MIKHAILOVICH NIKITIN (1881–1965)**

Article is devoted to a research of the temporal representations which were reflected in memoirs of Karelian I.M. Nikitin who was born in 1881 Petrozavodsk, the provincial center of Olonets region. The author considers the “historical” experience of “the little person” accumulated at the beginning of the 20th century during the critical period of the Russian revolution of 1917 and in 1920 — the 1930th. The analyzed autobiographical text offers new approaches to studying of city daily occurrence and “lives in force majeure” of the early Soviet period in the history of the Russian Karelia. Memory of personal experience has felt pressure of ideologically set version of “the general past” of the population of the region. Based on archival materials, the author comes to conclusion that the separate facts which were remembered by Nikitin actually carefully disappeared in the autobiographical text.

Keywords: Petrozavodsk, Olonets region, historical experience, autobiographical text, temporal representations, defaults.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи», № 0225-2014-0012.

В статье анализируются темпоральные представления, отраженные в воспоминаниях карела И.М. Никитина, родившегося в 1881 г. в Петрозаводске, губернском центре Олонецкого края. «Исторический» опыт «маленького человека» рассматривается сквозь призму событий, происходивших в начале XX в., в период революции 1917 г. и в 1920–1930-е годы. Анализируемый автобиографический текст предлагает новые подходы к изучению городской повседневности и «жизни в чрезвычайных обстоятельствах» раннесоветского периода в истории российской Карелии. Память о личном опыте испытала давление идеологически заданной версии «общего прошлого» населения края. Пережитое Никитиным представлено стержневым элементом коллективно узнаваемого прошлого и должно было восприниматься как достоверное, поскольку возникло в результате «припоминания». Основываясь на архивных материалах, автор приходит к заключению, что отдельные факты, которые помнились Никитиным на самом деле, тщательно скрывались в автобиографическом тексте. Период детства выглядит менее опасным для самого вспоминающего. Несмотря на то что Никитин, в соответствии с одним из базовых паттернов репрезентации детства в воспоминаниях, назвал его «безрадостным», соответствующий фрагмент текста насыщен семейными преданиями, персональными мифами и образцами русской и карельской речи того времени.

Коллективная память, поддерживаемая семейным опытом, простирается за границы автобиографической памяти и осуществляет трансляцию знаний о прошлом от одного поколения к другому. Изучение проблем коллективной памяти как «комплекса разделяемых данным сообществом мифов, традиций, верований, представлений о прошлом» [Репина 2008] актуализирует значение таких эго-документов, как письма, дневники, воспоминания или семейные «мемораты — рассказы, основанные на живых воспоминаниях, которые циркулируют, передаваясь из уст в уста, внутри определенной общности родственников» [Разумова 2013: 31].

Для изучения индивидуальных и семейных представлений о прошлом, особенно в русле истории повседневности, необходимо обращение к биографическому материалу «истории жизни». По наблюдению социолога Е.Ю. Мещеркиной, «история жизни» подразумевает «жизненный путь, получивший форму истории, то есть

реконструированной последовательности значимых событий и рассказанной в качестве таковой» [Мещеркина 2002: 61]. Поясняя специфику биографического метода, Е.Ю. Мещеркина акцентирует внимание на исследовательских практиках, в рамках которых делается попытка встать на точку зрения действующего субъекта и воссоздать мир, где тот живет. Этот когнитивно конструируемый мир «имеет пространственные и временные характеристики, которые входят в биографическую реальность через описание топологии и обжитого пространства и нагруженного смыслом времени» [Там же: 64].

В автобиографических текстах Ивана Михайловича Никитина встречаются сведения о жизни суоярвских (шуезерских) карел, переселившихся из Великого княжества Финляндского в Петрозаводск, губернский центр Олонецкого края. В конце XIX в. их автор получил образование в городском училище и более двух десятков лет прослужил в Олонецкой духовной консистории [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99]. Неопубликованные воспоминания, написанные в 1960-е годы и предназначавшиеся для родственников, во многом послужили основой для генеалогического исследования внука И.М. Никитина [Никитин б/г: 20–35]. Воспоминания включают как записи, подготовленные автором для тогдашнего Карельского государственного краеведческого музея [НА НМРК. Д. 1200], так и «зарисовки», сделанные «для себя» и ныне хранящиеся у потомков мемуариста¹.

Как справедливо отмечает И.А. Разумова, в любом биографическом и автобиографическом повествовании событийное время представляет основную конструирующую модель, а датировка — вторична, опосредуется событиями и весьма приближительна. Таким образом, «календарная» хронология в семейных «меморатах» представлена ограниченно [Разумова 2001: 243]. Включение дат в повествование указывает не только на его документальную

¹ Выражаю благодарность М.В. Никитину, осуществившему обработку личного архива семьи и составление основного корпуса текстов мемуарного характера, а также выпускнице филологического факультета Карельской государственной педагогической академии Е.П. Михалевой, правнучке мемуариста, и д-ру ист. наук И.А. Разумовой за предоставленную возможность ознакомиться с воспоминаниями.

основу, но и является свидетельством образовательного уровня автора.

Так, И.М. Никитин пишет о своих предках, работавших на Суоярвском чугуноплавильном заводе (завод действовал в системе Олонецких металлургических предприятий), приводит ссылки на работы карельских историков 1950–1960-х гг., упоминает даты реформы 1861 г., Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., поясняет различие старого и нового стилей. В частности, сообщает, что «в 60-х годах XIX в. несколько подряд неурожайных лет в Финляндии заставили многие тысячи крестьян оставить свои деревни и отправиться в Россию на поиски работы. Много из них переселилось в Олонецкую губ. как ближайшую к Финляндии». Одними из первых из маленькой шуезерской деревни прибыла в Петрозаводск бездетная семья — земляки родителей Никитина. Главе семьи Тимофею Захаровичу посчастливилось устроиться в городе на работу в конном обозе Александровского снарядодельного завода. «По той же причине — недород хлеба — из Шуезера прибыл и род Силиных, родственников моей мамы», — рассказывает автор. Мужчины этого рода тоже были приняты на работу в заводской обоз, а в 1879 г. вместе с другими шуезерскими литейщиками была переведена на завод и семья отца Никитина [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 9].

Наряду с «символическим» (концептуализированным) временем на страницах воспоминаний Никитина присутствует время, «воплощенное» в событиях, вещах, условиях, которое определило периодизацию автобиографического текста. В соответствии со сложившейся в советский период традицией репрезентации дореволюционного прошлого годы детства, отрочества и ранней юности (1881–1898) обозначены им как «безрадостное детство». Время службы в Олонецкой духовной консистории (1898–1917) названо более оптимистично: «На пути к самостоятельной жизни».

Период детства, который, казалось бы, должен был запомниться как самая счастливая пора жизни, вместил тяжелую болезнь и смерть матери, неудачную новую женитьбу отца, необходимость оставаться «среди чужих людей» (в семье двоюродного брата) и полную материальную зависимость от них. Представленный автором образ этого мрачного и тяжелого времени снова и снова

вызывает у него негативное переживание прошлого, и даже свой приход в мир рассказчик связывает с «драматическими» обстоятельствами, преследовавшими его чуть ли не с момента рождения, хотя их все же вряд ли можно считать экстраординарными. По словам Никитина, ему суждено было появиться на свет в бане, куда пришлось удалиться его матери из-за остановившихся в их доме земляков-шуэзерцев: «...несмотря на чрезмерно тяжелые условия при создавшейся обстановке с гостями, я родился нормальным ребенком, стал жить и расти, как все люди рабочего класса того времени» [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 4].

В воспоминаниях о детских годах, проведенных в Петрозаводске среди горожан в первом поколении — выходцев из Суоярви, есть рассказ Никитина о том, как дедушка мыл его в бане и обдавал водой, всегда приговаривая: “Vezi ala, briha ylä” («Вода вниз, молодец вверх»). Таким образом совершалось ритуальное действие, обеспечивавшее ребенку желаемое будущее, быстрый рост, здоровье и благополучие [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 10].

Об одном из возчиков дров из Вешкельских деревень, которые останавливались в их доме, Никитин рассказывает, что тот, попав на лесозаготовке в затруднительное положение, попытался «вернуть время» вспять, прибегнув к магическому ритуалу обмена дарами с Ильей-пророком. «Отправляясь в вывозку, карел брал с собой большое количество рыбников: с окунями, плотовой, налимами и даже из ершей, а на уху сущик из мелких окуньков и ершей. Круглый, продолговатой формы, из овсяной муки хлеб — мешками, называемый по-карельски кокойт <...> Рубил в лесу елки, сунул на снег топор, топор от тяжести сел глубоко до земли и скрылся в снегу. Мужик взмолился Илье-пророку: «Иллю, Иллю, ота курник, ана кирви», то есть «Илья, возьми рыбник, отдай топор» [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 10].

В 1890-е годы по окончании городского училища Иван Никитин сумел устроиться на службу в штат Олонецкой духовной консистории. Это открывало ему дорогу к карьере мелкого чиновника и служащего, но тем самым подводило к маргинальному положению между «своими» и «чужими». Конечно, такая судьба была весьма нетипичной для выходцев из его круга. «Когда надел форменную фуражку с гербом городского училища и ремень, — пишет Ники-

тин, — слышал от соседок: «Вот и кареляк хочет быть баринoм»» [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 11].

По наблюдениям исследовательницы В.А. Черваневой, которая на материале фольклора изучает концептуализацию времени по параметрам количества и качества, в изображении положительно или отрицательно оцениваемых состояний наблюдается устойчивая тенденция отмечать их большую продолжительность, а «квантификация длительности статических состояний персонажей обнаруживает аксиологическую обусловленность». Такое представление о временной длительности исследовательница связывает с «рецидивами архаического осмысления времени как сущности, производной от ее событийного наполнения», следовательно, аксиологически неоднородной [Черванева 2006: 188].

Как и в архаической модели темпорального восприятия, производность времени от событий обуславливает неоднородность временного потока, переживаемого автором воспоминаний, и создает предпосылки для восприятия его участков как ценностно окрашенных. Вот почему, объясняя некоторое «запаздывание» своего биографического сценария по сравнению с судьбами сверстников, И.М. Никитин пишет: «Сама жизнь со всеми ее сложностями отдаляла вопросы романтизма до более благоприятного времени». Таким «благоприятным временем» стало начало самостоятельной жизни, когда он, приступив к службе в духовной консистории, «обратился в своего рода кавалера в своей среде ребят заводских рабочих», то есть детей мастеровых. Отметив, что в эти годы у него почти не было досуга из-за дневных и вечерних канцелярских занятий, Никитин вспоминает, что только по воскресеньям мог позволить себе «прогулки по ул. К. Маркса, тогда Марининской, и около Гостиного двора при открытых к торговле лавках» [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 45].

«Другими» по отношению к окружению Ивана Никитина оказывались и сверстники, служившие у петрозаводских купцов приказчиками. Впоследствии они стали добрыми друзьями, «тогда же, — сообщает автор воспоминаний, — я с ними мог встречаться только в лавке у купчихи Тихоновой-Литягиной в рабочее время, так как им было запрещено гулять вне службы и бывать на вечерах». Хозяйка большого москательного магазина «держала их очень

строго»: не разрешала ходить на вечера, танцы, маскарады и т.д. Зато у приказчиков «было в моде» катание в саночках на Масленой неделе по Мариинской и Александровской улицам «на общих тройках или парах лошадей». Верхом щегольства состоятельной городской молодежи становилось катание парочками на санках без кучера, где кавалер сам правил лошадьё [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 23, 45].

Примечательно, что в семейном повествовании рубежом, отделяющим один этап жизни автора от другого, становится заключение брака с А.А. Корытовой, которая происходила из «крепкой мещанской семьи» петрозаводчан и была дочерью неоднократно избиравшегося мещанским старостой Алексея Павловича Корытова. Предшествующий браку период 1898–1901 гг. автор описал в главе «О реалистическом романтизме — первая любовь», а тридцатилетие совместной жизни Никитиных (1901–1931) в очерках «Род Корытовых» и «Первые радости и печали».

Не обойдя молчанием то обстоятельство, что среди новых родственников были известные в Петрозаводске мясоторговцы Корытовы, имевшие лавки в Гостином дворе [Петрозаводск 2003: 92], Никитин подчеркнул, что предки тестя происходили из приписных рабочих, вывезенных в XVIII в. на строительство Александровского завода. После отмены крепостного права они были приписаны к мещанскому сословию, некоторые остались работать на заводе, из семьи мастеровых происходила и теща. Словом, семья, воспитавшая Анюту Корытову, и это важно отметить автору повествования, существовала «исключительно на сельском хозяйстве без применения наемного труда» [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 59]. Тесть, окончивший курс уездного училища, мог бы искать канцелярской службы в учреждениях, но, как пишет Никитин, не стал этого делать в силу «настойчивого упрямого характера» и избрал своим родом занятий домашнее хозяйство. «На Кукковке по Машезерской дороге своим личным трудом разработал два поля, сеял зерновые злаки и косил сено, ригой пользовался коллективной — и в том элементы социализма», — замечает автор, явно перенося на описание прошлого реалии современной ему действительности [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 53]. О начале совместной жизни Никитин вспоминает

в разделе, озаглавленном «Путь к осуществлению мечты иметь свое подсобное хозяйство».

Символом взаимопроникновения культур, городской и деревенской традиций Карельского края, запечатленным на страницах воспоминаний Никитина о старом Петрозаводске, может служить большой медный кофейник с ручкой, в котором утром в русской печке на весь день варили кофе. «Не заварной у самовара», а сохранявшийся «на целый день в печурках при печках. Его пили и в полдень, и после обеда. Нигде, кажется, не любили так кофе, как в Петрозаводске. Любили его старые и молодые, женщины, мужчины и ребята» [НА НМРК. Д. 1200. Л. 58]. Страницы воспоминаний сохранили дыхание повседневной жизни города начала XX столетия.

Как отметил петербургский социолог В.Б. Голофаст, проблема многообразия автобиографических повествований связана с внешними стимулами и преградами биографического мышления, а также с внутренними культурными рамками самосознания. «В ситуациях социального давления или принуждения человек добровольно открывает о себе и своей жизни лишь то, что и так существует вне его в виде документов, удостоверений, свидетельств других лиц, то есть интересубъективные, признанные другими, известные аспекты своей биографии, жизни и личности». Эти аспекты «были уже намеренно или случайно показаны другим, а тем самым и себе — были осознаны, отрефлектированы, а возможно, и вербализованы» [Голофаст 1995: 71–88].

Воспоминания об армейской службе И.М. Никитина и жизни Петрозаводска в переломные месяцы российской революции объединены лишь говорящей датой «1917 год». Его многолетний навык работы в делопроизводстве, практический опыт замещения класных должностей в учреждениях губернского уровня и службы в годы Первой мировой войны в качестве писаря одной из тыловых частей в Старой Руссе оказались востребованы при создании новых органов местной власти летом 1917 г.

37-летний Никитин переходит на работу в Олонецкую губернскую земскую управу, принимает приглашение занять должность в канцелярии губернского комиссара Временного правительства А.Ф. Кожевникова. После организации в Петрозаводске в 1918 г. отдела советского управления губисполкома бывший чиновник был

назначен заведующим отделом только что созданной милиции, а с 1919 г. — заведующим отделом актов гражданского состояния города. С этим учреждением вплоть до времени выхода на пенсию была связана вся его дальнейшая деятельность.

Однако в мемуарах, адресованных потомкам в 1960-е годы, нет никаких упоминаний о том, что летом 1917-го Никитин баллотировался в члены Петрозаводской городской думы от служащих губернского земства, хотя свидетельства об этом периоде его деятельности сохранились в архивных материалах [НА РК. Ф. 62. Оп. 2. Д. 8/146. Л. 172 об.]. Такая память о «неудобном» для биографии советского служащего факте впоследствии оказалась вытесненной, а сам факт требовалось предать забвению. Вместе с тем куда менее значительные подробности о его общественной деятельности как сотрудника карельской милиции и впоследствии отставного пенсионера в мемуарах представлены весьма обстоятельно.

Нельзя не согласиться с ярославскими исследователями О.В. Ольневой и В.П. Федюком, отметившими, что изменения в повседневной жизни служат наиболее точным (а возможно, и единственным) критерием того, насколько глубоко оказались политические и социальные перемены. «По этой причине изучение истории повседневности может быть особенно продуктивно применительно к переломным эпохам» [Ольнева, Федюк 2011: 252].

В воспоминаниях Никитина повествование о его семейной жизни — важнейшая составляющая истории жизненного пути — разворачивается как в дореволюционное, так и в советское время. Таким образом, 1917 г. становится «судьбоносным» маркером, делящим жизнь на старую и новую. Автобиография мемуариста в 1920-е годы размечена вехами личного плана и общественного характера: «...ребята росли, хозяйство крепло, кроме участия в артельном хозяйстве имел покосы в трех точках. Построили каретник, сеновал, купили кабриолет. Жена сдавала молоко на приемный пункт, получала отруби и мануфактуру ребятишкам на платышки, и дело шло очень хорошо, жена легко справлялась с хозяйством и находила время преподавать в школе уроки кройки и шитья». О себе Никитин сообщает, что тогда его «окрыляли успехи по службе» и он с головой ушел в работу: «...дни были заняты полностью, отдыха не имели, и гулять было некогда. Отказывались от гостей

и не заводили новых знакомств, а навещали только тех и принимали к себе, с кем установилась долготлетняя дружба» [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 72].

По заключению В.Б. Голофаства, в обычных биографических контекстах аспекты и элементы жизни, меняющие ее ход или угрожающие изменениями, нередко приписываются случаю, судьбе, стечению обстоятельств или непосредственно макросоциальным силам, перед которыми индивид чувствует свое бессилие [Голофаств 1995: 71–88]. В биографическом сознании Никитина смерть заболевшей жены в 1931 г. станет таким потрясением, опрокинувшим семейное благополучие и совпавшим с невиданными переменами в городской повседневности. «С этого дня и все пошло у меня, и даже независимо от ее смерти. Коллективизация в сельском хозяйстве, большое строительство по городу. Артельный огород, бывший Накропинский, отошел третьей школе, покос в городе — по наветам детскому дому. На Кукковке полоса — под постройки, и незадолго на покосе в Сайнаволоке стали строить завод “Северная точка”. Но все же я не сразу сдался». Годом, который заставил Никитина «сдаться», стал 1934-й. Имея опыт сотрудника отдела ЗАГС, он «перешел на работу в систему МВД», тогда же, по словам автора воспоминаний, изменилась его «идеология» и он «обратился из мещанина в идеального советского работника» [Архив каф. истории КГПУ. ФС. М-99. Л. 64].

В соответствии с темпоральными представлениями нового «идеального советского работника» особо значимой единицей времени для него теперь становятся пятилетки, связанные с принятием и попытками выполнения партийных экономических планов. Автобиографические свидетельства И.М. Никитина, относящиеся к этому и последующим периодам, передают дух, атмосферу, ритм повседневной жизни советского служащего предвоенной поры, военных и послевоенных лет.

На примере воспоминаний одного из очевидцев и участников событий переломного времени в истории российской Карелии конца XIX — первой трети XX в. можно видеть, как фильтровалась, деформировалась и фрагментировалась биографическая память человека в процессе «обновления» исторической памяти населения края. Как табуировались ее отдельные эпизоды, приводя к «стира-

нию» событий, безусловно, значимых для конкретного человека, но предаваемых им забвению, коль скоро они не вписывались в установившуюся схему представлений о том, что и как следовало вспоминать об этом времени, а порой становились опасными для самого вспоминающего.

Источники

Архив кафедры истории КГПУ (2001–2003). ФС. М-99: Никитин И.М. Страницы жизни и истории города. Ч. I: Воспоминания, написанные для своих родных и друзей (рукопись). 1960 г.

НА НМРК (Научный архив Национального музея Республики Карелия). Д. 1200. Никитин И.М. О первых шагах карельской милиции. 1963 г.

НА РК. Ф. 62. Оп. 2. Д. 8/146.

Библиография

Голофаст В.В. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–88.

Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61–67.

Никитин М.В. Наша родословная в истории Петрозаводска. Б/м, б/г. 211с.

Ольнева О.В., Федюк В.П. Общественные настроения российской провинции в 1917 году // Социальная история: ежегодник–2010. СПб., 2011. С. 251–283.

Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы: в 3 кн. Петрозаводск: Карелия, 2003. Кн. 3: 1903–2003. 575 с.

Разумова И.А. «История семьи Жидких поморского села Кандалакша» как историко-этнографический источник // История семьи Жидких на фоне поморской культуры: исследование и публикация по материалам Г.Ф. Белошицкой. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2013. 184 с.

Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. М.: Индик, 2001. 376 с.

Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 7–18.

Черванева В.А. Архаические основы количественной оценки пространства и времени в волшебной сказке // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докл. М., 2006. Т. 3. С. 181–190.

References

Golofast V.B. Mnogoobrazie biograficheskikh povestvovaniy. Sotsiologicheskii zhurnal. 1995. no. 1. Pp. 71–88.

Mescherkina E.Yu. Zhiznennyiy put i biografiya: preemstvennost sotsiologicheskikh kategoriy (analiz zarubezhnykh kontseptsiy). Sotsiologicheskie issledovaniya. 2002. no. 7. Pp. 61–67.

Nikitin M.V. Nasha rodoslovnaia v istorii Petrozavodska. B/m, b/g. 211 p.

Ol'neva O.V., Fediuk V.P. Obshchestvennye nastroyeniia rossiiskoi provintsii v 1917 godu. Sotsial'naiia istoriia: ezhegodnik–2010. St.-Petersburg, 2011. Pp. 251–283.

Petrozavodsk. 300 let istorii. Dokumenty i materialy: v 3 kn. Petrozavodsk: Kareliia, 2003. Vol. 3: 1903–2003. 575 p.

Razumova I.A. “Istoriia sem'i Zhidkikh pomorskogo sela Kandalaksha” kak istoriko-etnograficheskii istochnik. Istoriia sem'i Zhidkikh na fone pomorskoii kul'tury: issledovanie i publikatsiia po materialam G.F. Beloshitskoi. Apatity: Izd-vo KNTs RAN, 2013. 184 p.

Razumova I.A. Potaennoe znanie sovremennoi russkoi sem'i. Moscow: Indrik, 2001. 376 p.

Repina L.P. Pamiat' o proshlom i istoriia . Dialogi so vremenem. Pamiat' o proshlom v kontekste istorii. Moscow: Krug, 2008. Pp. 7–18.

Chervaneva V.A. Arkhaicheskie osnovy kolichestvennoi otsenki prostranstva i vremeni v volshebnoi skazke. Pervyi Vserossiiskii kongress fol'kloristov: sb. dokl. Moscow, 2006. Vol. 3. Pp. 181–190.